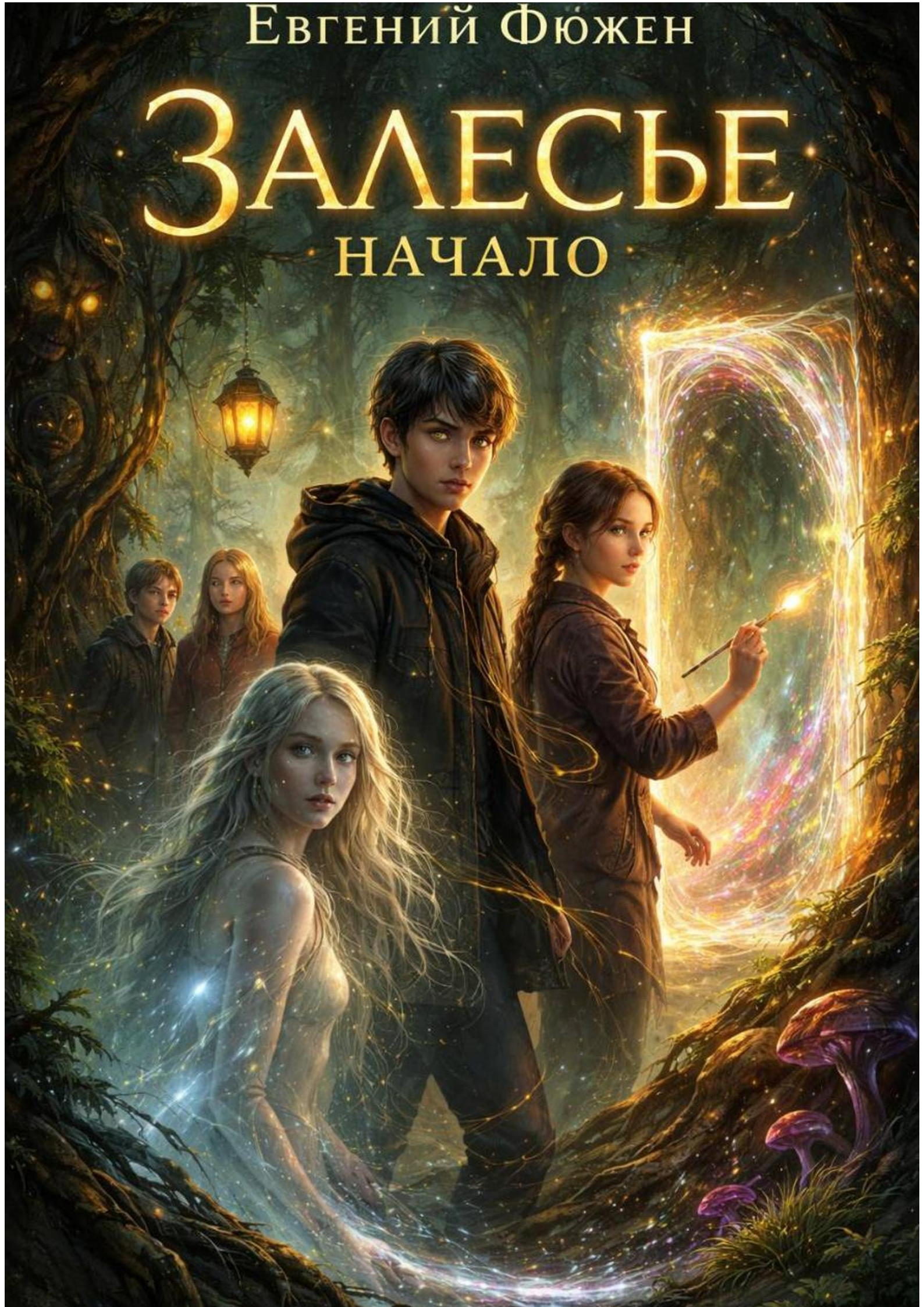

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

ЗАЛЕСЬЕ

НАЧАЛО

Залесье

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Залесье: начало

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Залесье: начало / Е. Фюжен — «Автор», 2026 — (Залесье)

Пять московских подростков теряются в лесу и попадают в Залесье — живую сказку, где каждый предмет живой, каждая встреча — это испытание, а каждый выбор может стоить памяти о себе. Данила видит маркеры судьбы, Зоя рисует реальность, Мира становится сигналом в ночи. Чтобы спастись, им придется отдать самое дорогое — и понять, что спасение — это не побег, а принятие себя частью мира, который их породил.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая: «Тропа недобрая».	5
Глава вторая: «Внутри Пня»	9
Глава третья: «Корневище»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Евгений Фюжен

Залесье: начало

Глава первая: «Тропа недобрая».

Тропа вилась между елями, словно чья-то забытая нить, вышитая чёрным по зелёному. Данила шёл последним и считал шаги – не специально, просто так, от зудения в висках. Сто семнадцать, сто восемнадцать. Сумерки в лесу наступали не сверху, а сбоку, как будто кто-то закатывал землю в тёмный лен, начиная с горизонта.

– Даня, ты тормозишь, – Мира не оглядывалась, но её голос разрезал тишину точно ногтём по стеклу. – Я уже три сторис записала, а ты ещё на том же корче застрял.

– Там мхи, – Данила кивнул на пенёк, покрытый серебристым ковром, но телефон в его руке мигал жёлтым предупреждением. Нет сигнала. Но это был не обычный крестик – в углу экрана дрожало что-то вроде помех, старого аналогового шума, которого в цифровых камерах быть не могло.

– Оставь свои мхи, – Ася остановилась, поправляя туристический рюкзак. Она была старше на год и носила эту разницу как знак отличия – ровная осанка, глаза цвета холодного чая, в которых всё должно было быть по расписанию. – Мы должны были выйти к поляне двадцать минут назад. Данила, карту проверь.

– Проверяю, – он ткнул пальцем в экран. GPS показывал их точкой посреди озера. Только озера здесь не было уже пять километров.

– Мы свернули, – тихо сказала Зоя.

Она стояла впереди всех, на перевале между двумя соснами, и смотрела не на тропу, а вглубь чащи. Её рука сжимала скетчбук – чёрный, потёртый по краям, – и пальцы побелели. Зоя редко говорила громко, но сейчас её голос был странно металлическим, как звук струны, натянутой в пустоту.

– Мы не сворачивали, – Тихон фыркнул, постукивая ногой по сухой хворости. Он шёл с самого начала, открывая маршрут, и его широкие плечи несли тяжесть несуществующей ответственности. – Я следил по компасу. Север там.

Он махнул рукой. Но деревья, куда он указал, были другими – старше, толще, с корой глубокой, чёрной, как обожжённая. Данила заметил это первым. Ещё десять минут назад они шли по молодому ельнику, гладкому, светлому. Теперь вокруг стояли дубы. Дубы в еловом лесу.

– Это невозможно, – Ася подошла ближе к стволу, провела пальцем по коре. Под ногой хрустнула ветка, но звук был неправильным – слишком звонкий, как керамика.

Мира засмеялась. Это был её защитный смех, резкий, с ноткой истерии, который она использовала, когда Stories набирали мало просмотров.

– Ребят, вы серьёзно? Это какой-то глитч. Или парк расширился, не знаю. Давайте просто...

Она достала телефон, чтобы снять рапогата, но экран дернулся. На мгновение Данила заглянул через её плечо и увидел на экране не лес, а водную гладь. Чёрную, неподвижную, с отражением деревьев, росших вверх корнями. Мира быстро убрала телефон.

– Батарейка садится, – сказала она слишком быстро.

Тропа сузилась. Они шли дальше, потому что остановиться было страшнее. Сумерки превратились в синеву, а синь – в фиолетовую плоть, сжавшую меж ветвей. Воздух пах изменением. Данила попытался вдохнуть – и задохнулся. Запах был не просто другим, он был *древним*.

Смола, перегной, что-то ещё, медицинское и сладковатое, как смесь йода и мёда. Запах болот, которые должны были высохнуть сто лет назад.

– Слышите? – Зоя остановилась.

Тишина была не пустой. В ней вибрировало что-то низкое, подпочвенное, как будто сами деревья производили звук своим ростом – медленным, вековым, скрипучим.

– Это ветер, – Тихон выдохнул, но его рука потянулась к ножу на поясе. Туристическому, с яркой оранжевой ручкой.

– Ветра нет, – сказала Ася.

И действительно – листья не шевелились. Но земля под ногами шла волной. Данила почувствовал это через подошвы кроссовок – толчок, не сильный, но ритмичный. Как пульс. Он посмотрел вниз и увидел, что мхи не просто покрывают землю – они *движутся*, ползут к стволам, к корням, словно стекаясь к сердцу чего-то.

– Надо развернуться, – голос Асы потрескался. – Мы идём не туда.

– Мы идём *куда-то*, – возразил Тихон, но повернулся.

Тропы назад не было. За их спинами простиралась чаща – не та, что была десять минут назад. Деревья стояли плотнее, их стволы были искривлены спиральями, и корни торчали из земли змеями, переплетёнными в узлы, которые невозможно было разглядеть без головокружения.

– Окей, окей, – Мира закрыла лицо руками, маникюрный лунный поблескивал в темноте.

– Это пан-атака. У меня так было раз. Мы просто... Данила, дай воду.

Он протянул флягу. Его руки дрожали. Не от страха – от резонанса. Где-то в глубине черепа, в том месте, где геймеры чувствуют невидимые враги за стенами, зудело предчувствие. Он смотрел на мхи, и мхи смотрели на него. Он знал это чувство – это было как тогда, когда в игре открываешь дверь, за которой должен быть сейв-рум, а там пустота и музыка боевой.

– Мира, убери телефон, – сказал он не своим голосом.

– Что?

– Убери. Сейчас.

В ту же секунду экран её смартфона вспыхнул белым. Не включился – вспыхнул, как лампа накаливания при сгорании. Мира вскрикнула и выронила его. Телефон упал на мох и провалился – буквально, с бульканьем, как камень в болото.

– Что за... – Тихон отскочил.

Земля под смартфоном была сухой. Но телефон уходил в неё, медленно, с присасывающим звуком. Ася бросилась вперёд, схватила его за край, вырвала. На экране – не трещины. На экране была вода. Живая, бурлящая между разбитыми пикселями.

– Бежим, – сказала Зоя.

Она уже бежала. Не назад – вперёд, туда, где деревья редели. Остальные побежали следом, не спрашивая, потому что позади послышался звук. Не шаги. Не шорох. А *переворачивание* – массивное, влажное, как будто что-то огромное переворачивалось во сне, и их шаги будили его.

Данила бежал, глядя под ноги. Тропа под ними меняла цвет – с земляного на охристый, потом на серо-белый, как зола. Воздух сгустился, стал тяжёлым, как в парилке. Он чувствовал, как ладони Зои сжимают его запястье – она тащила его за собой, хотя он не помнил, как она его догнала.

– Там! – закричала Мира.

Перед ними открылась поляна. Но не та светлая опушка, к которой они шли с утра. Это было болото, застывшее между соснами, и посреди него – дом.

Он стоял на сваях, покосившийся, сложенный из брёвен, покрытых тёмной смолой. Крыша была низкой, гниlostной, с торчащими ветками вместо труб. Из труб – если это были трубы – вился дым. Белый, тугой, пахнущий горелым жиром и травами.

Вокруг дома на сваях стояли колья. На одном из них висело что-то белое – тряпка, может быть, или...

– Это рубаха, – прошептала Ася. – Старинная. Косоворотка.

Данила понял, что они остановились, только когда его ноги застыли. Не от усталости – от *запрета*. Воздух здесь был вязким, полным невысказанного правила: *стой, не дыши, не буди*.

Дверь в доме скрипнула.

Она открылась не наружу, а внутрь, в чёрную пасть, и оттуда вышел человек. Или то, что осталось от человека. Фигура была высокая, сгорбленная, завёрнутая в лохмотья, цвет которых уже невозможно было определить – серо-коричневый, цвет перезревшей коры. Голова была склонена, лицо пряталось под капюшоном из меха.

– Вы... блудные? – голос был хриплым, но не старым. Это звучало как скрежет камня о камень. – Из-за тридевяти лесов пришли?

Язык был русский, но искажённый – с ударениями, попавшими не на те слоги, с глухими "г" и протяжными "о".

Мира сделала шаг назад, давась воздухом.

– Мы... мы заблудились. Мы из Москвы. Из парка.

Существо под капюшоном выпрямилось. И хотя лица не было видно, Данила почувствовал, как оно *смотрит*. Не глазами – чем-то другим, чем-то, что пронзало кожу и считывало пульс.

– Москва, – произнесло оно, и слово звучало как заклинание. – Не знаю такой реки. Но вы пришли. Во время. Князь ждал гостей. Князь всегда ждёт... когда Лес проголодается.

Зоя, всё ещё сжимая руку Данилы, дрогнула. Она медленно подняла свой скетчбук – тот самый, чёрный, потёртый – и открыла его на последней странице.

Там была нарисована эта поляна. Этот дом. Эта фигура в капюшоне.

Нарисована акварелью три дня назад.

– Ой, вы чёртовы дети, – прошептало существо, и скрипнули зубы – длинные, желтые, слишком много для одного рта. – Вошли в Залесье. Теперь выхода нет. Только через Сказку. А она... она живая. И она выбирает, кем быть.

В лесу за их спиной что-то хрустнуло – не ветка. Кость.

– Заходите, – существо отступило в дверной проём, и тьма его поглотила, оставив только голос. – Греться. Я угощу. У меня есть кисель. Из брусники. И... вашей крови ещё нет во мне. Это хорошо. Это значит, вы ещё не персонажи. Вы ещё... сырьё.

Тихон рванулся вперёд, хватая Асю за руку.

– Мы не пойдём к этому психу! Мы...

Он замер. На его щеке появилась капля крови – тонкая, как иглой. Из ниоткуда.

– Ты уже пошёл, – сказал голос из темноты дома. – Ты пошёл, когда переступил порог Мохов. Теперь только вперёд. Или вниз. В корни.

Данила посмотрел на свои кроссовки. Подошвы были мокрыми – не от росы. От смолы. Или от чего-то более тёмного. Он поднял глаза и увидел, что деревья вокруг поляны сдвинулись ближе. Их корни вылезли из земли и ползли к дому, к сваям, к ним – как пальцы рук, готовые сжаться.

– Данила, – Зоя смотрела на него, и впервые за вечер её глаза были широко открыты, без тени отстранённости. – Я нарисовала это. Я не помню, когда. Но я знаю, что дальше. Дальше он предложит нам снять ботинки. Если мы снимем... мы останемся здесь. Навсегда. У них есть закон. Кто разуется в чужом доме, того дом посчитает своим.

Ветер finally подул – но не снаружи, а из самого дома, несущий запах старой кожи, плесени и чего-то сладкого, до тошноты сладкого.

– Заходите, – повторил голос, и дверь распахнулась шире, и в темноте за порогом что-то шевельнулось – много чего, множество рук, множество глаз, светящихся белым, как мох. – Залесье холодное ночью. А ночь здесь... долгая. До самой весны.

Мира застонала. Её идеальные брови исказились, тушь потекла по щеке – первые настоящие слёзы, не для камеры, а для себя.

– У нас нет выбора, – сказала Ася, и её голос дрожал, но не ломался. – Мы не знаем пути назад. И назад... там уже не наш лес.

Данила посмотрел через плечо. Тропа исчезла. Там, где они стояли минуту назад, стояла стена елового леса – плотная, непроницаемая, с ветвями, сплетёнными в решётку. За решёткой что-то двигалось, что-то высокое и тощее, слишком длинными руками царапающее кору.

Он повернулся к дому. Вырвал руку из хватки Зои. Шагнул к порогу.

– Тогда мы войдём, – сказал он, и его голос звучал чужеродно даже для него самого – низко, ровно, как у того, кто уже принял правила игры. – Но ботинки оставляем на улице. Это наш закон.

В темноте дома раздался смех – сухой, лающий, полный невысказанного одобрения.

– Умный мальчик, – сказал голос. – Очень умный. Ты будешь волхвом. Или мертвецом. В Залесье это одно и то же.

И Данила переступил порог, чувствуя, как земля под ногами становится мягкой, органической, живой – как язык, готовый его проглотить.

За спиной дверь захлопнулась. Но не стукнула. Она *всхлинула*.

Глава вторая: «Внутри Пня»

Изба пахла спёвшимся мхом и медом, который залежался до брожения – сладкая тяжесть, от которой хотелось чихать и плакать одновременно. Данила стоял на пороге, не решаясь сделать шаг вглубь, пока не почувствовал толчок в спину – Тихон вошёл последним, и дверь за его спиной исчезла. Не захлопнулась, а именно исчезла: одно мгновение назад Данила видел тёмный прямоугольник снаружи, а теперь смотрел на сплошную стену из брёвен, покрытых смолой, застывшей в причудливых слепках – как будто кто-то прижимал к стене ладони, а потом оторвал их вместе с кожей.

– Свет, – прошептала Мира, и её голос дрожал, теряя обычную театральную выразительность.

Свет появился не сразу. Сначала стемнело окончательно, насытившись такой чёрнотой, что Данила увидел цветные пятна перед глазами – фосфены, писк мозга в ответ на отсутствие света. Потом где-то впереди, в глубине избы, шевельнулся огонь. Не разгорелся, а именно шевельнулся – ползкий, беловатый, как будто горела не древесина, а кости, промоченные в извести.

– Заходите, гости дорогие, – голос Корчемара доносился оттуда, где светился огонь. – Снимайте лахты. Оставляйте на крыльце. Закон такой: чужак в чужой избе – нога в ногу со змеей, но босой – как младенец. Безопасней для всех.

– Мы не снимем, – Тихон сжал кулаки, и Данила видел, как вздулась вена на его виске – пульс учащённый, готовность к драке. – Мы войдём, поговорим, и ты отведёшь нас к этому твоему князю. Или к полиции. Или куда надо. Но не дуй в усы.

– Усов у меня нет, – спокойно ответил хозяин. – Есть корни. И они уже знают ваш размер.

Данила посмотрел вниз. Пол под ногами перестал быть земляным. Теперь это были доски – древесина потемнела от веков, вросла в землю, проросла травой, но между щелями виднелась не земля, а *пустота*. Глубокая, дышащая теплом. Из щелей поднимался пар, пахнувший варёными травами.

Зоя первой сняла кроссовки. Медленно, методично, как будто выполняла ритуал. Она оставила их у невидимой двери – теперь это был просто угол, где стена сходилась со стеной под острым углом. Потом она посмотрела на Данилу и кивнула – почти незаметно, но в её глазах читалось: *доверься*.

Данила снял кроссовки. Подошвы были мокрые – от той самой смолы или слизи с порога. Он оставил их рядом с обувью Зои и вздрогнул: кроссовки сразу же начали тонуть в полу, как в сугробе. Не проваливаться – *вращать*. Мох, покрывавший доски, обвил шнурки, затянул, утащил.

– Что за... – Мира отшатнулась.

– Залесье собирает плату за ночлег, – Корчемар был уже ближе. Он двигался без звука, скользя по доскам, хотя казался массивным. В свете огня он выглядел ещё хуже, чем в темноте. Его лицо – если это было лицо – было покрыто темными пятнами, похожими на древесный грибок чагу. Глаза были белые, без зрачков, но живые – влажные и подвижные, как у рыбы, только что вытасченной из воды. – Не бойтесь. Это только обувь. Душу оно забирает не сразу. Только если вы согласитесь остаться на завтрак.

– Мы не будем есть вашу еду, – сказала Ася, поднимая подбородок. Она старалась говорить твёрдо, но голос выдавал дрожь. – Это правило номер один в незнакомом месте. Не принимать пищу от... от местных обитателей.

Корчемар рассмеялся. Звук был мокрым, булькнувшим.

– Правильно. Очень правильно. Но вы уже едите. Вы едите воздух Залесья с того момента, как вошли. Вы едите мой свет. Вы едите сказку. – Он повернулся, и тогда Данила увидел, что за

спиной у него нет спины. Там было древесное hollow – полость, в которой сидели, прижавшись друг к другу, маленькие фигурки. Куклы? Нет, они дышали. Или это был ветер, проходящий сквозь полость в его теле?

Они шли за ним, потому что двигаться казалось естественным, а стоять – опасным. Коридор избы тянулся дольше, чем было возможно. Слева и справа мелькали двери – низкие, кривые, с кожаными петлями. За одной слышался плач ребёнка, за другой – скрежет металла по камню, за третьей – абсолютная тишина, настолько плотная, что Данила почувствовал, как она давит на барабанные перепонки.

– Здесь много комнат, – бормотал Корчемар, ведя их вглубь. – Комната для тех, кто пришёл до вас. Они ещё там. Комната для тех, кто придёт после. Она пуста, но пыль на полу уже собирается в следы. И комната для князя. Там тепло. Там мы и пойдём.

Они вышли в зал. Нет, не в зал – в полость.

Перед ними открылась пещера, хотя они шли по прямой и не спускались. Потолок уходил вверх, теряясь в темноте, и деревянные стены сменились на живую древесину – ствол гигантского дерева, полый внутри, с сучьями, торчащими из стен как балконы. На этих сучьях сидели птицы. Или то, что осталось от птиц – перья были длинными, как руки, и неподвижными.

В центре полости стояла печь. Не русская изразцовая, а круглая, глиняная, напоминающая огромный курган. Из трубы, прорезавшей потолок, валил дым, но он не поднимался вверх, а струился вниз, к полу, образуя подушку из белого тумана.

– Садись, – Корчемар жестом указал на лавки, сделанные из корней. Корни были сухими, потрескавшимися, и Данила заметил, что они держат форму лавок не случайно – их связали желваками, перетянули кожей, прибили... чем-то похожим на огромные зубы.

Они сели. Дерево было тёплым, почти горячим.

Корчемар подошёл к печи, достал оттуда котёл. Он был чугунный, покрытый ржавчиной, которая при ближайшем рассмотрении оказалась засохшей кровью.

– Кисель, – сказал он, разливая содержимое по деревянным чашкам. Жидкость была тёмно-красной, с фиолетовым отливом, и пахла не брусникой, а чем-то металлическим. – Животный. Из сердец зайцев, что бегали по вашему миру до того, как стать сказкой. Сладкий. Греет кости.

Он протянул чашку Даниле. Та была тяжёлой, грубой, с вырезанным орнаментом – сплетением змей и корней.

– Я не пью кровь, – сказал Данила, но его рука сама потянулась к чашке. Ладонь заныло теплом.

– Это не кровь. Это *воспоминание* о крови, – Корчемар наклонился, и его белые глаза оказались на уровне глаз Данилы. В них плавали отражения – не комнаты, а леса, огромного, зелёного, где солнце светило сквозь листву золотыми монетами. – В Залесье всё съедобно, если знаешь Истинное Имя. Это кисель. Ты назовёшь его киселем – и он станет им. Но если назовёшь иначе...

– Это гипноз, – резко сказала Ася. Она сидела, сжимая края своей куртки, и смотрела на чашку в руках Миры. – Массовая галлюцинация. Мы отравились грибами или газом в лесу. Это объясняет искажение пространства и...

– И что? – Корчемар повернулся к ней, и в его голосе зазвучало железо. – И объясняет, почему ты видишь над моей головой цифры, девка?

– Что? – Ася вздрогнула.

– Ты видишь. Я знаю, что видишь. У тебя глаза – как у волхва-учёного. Ты считаешь. Анализируешь. Но здесь цифры лгут. Здесь два плюс два – это пять, если Сказка решит, что ей так нужно.

Данила посмотрел на Асю. Она побелела. Значит, она действительно видела что-то – возможно, ту же красную ауру, что и он, или цифровые помехи, как на телефоне.

Зоя молча взяла свою чашку. Она не пила, но поднесла её к лицу и вдохнула пар. Её ресницы дрогнули.

– Здесь нарисовано, – тихо сказала она, указывая на стенку чашки.

Все посмотрели. На внутренней поверхности деревянной чашки, там, где должна была быть просто текстура древесины, проступали тёмные пятна – как грибница, формирующая узоры. И действительно, это был рисунок: пятеро подростков, сидящих у печи в огромном дереве. Но на рисунке они были не такими, как сейчас. На рисунке они были старыми. Или... изменёнными. Тихон имел шею, слишком длинную для человека. Мира держала в руках не чашку, а голову. Асю обвивали змеи, выходящие из её рукавов. Зоя... Зою на рисунке не было видно, только её чашка стояла пустая.

А Данила... На Даниле была мантия из мха, над головой висел светящийся символ – неистовый, пульсирующий красным.

– Это не будущее, – быстро сказал Корчемар, заметив их замешательство. – Это *возможность*. Персонажи, которыми вы можете стать, если пройдёте через Сказку. Если выживете.

– А если не хотим становиться персонажами? – спросил Тихон. Его голос стал тише, но напряжённее. – Если мы просто хотим домой?

Тогда Корчемар сделал что-то странное. Он подошёл к стене, к той части, которая была живым деревом, и провёл по ней когтистым пальцем – ногти были чёрными, изогнутыми, как у медведя. Кора расступилась, образуя Щель.

За щелью был виден лес. Но не тот мрачный ельник, в котором они блудили. Это был светлый, летний лес, пологий, с высокой травой и ягодами. И вдалеке, через просвет между стволами, виднелись огни. Не костры – электрические фонари. Городские. Москва.

– Идите, – сказал Корчемар. – Шагните. Дверь открыта.

Тихон подскочил первым.

– Тих, погоди! – крикнула Ася.

Но он уже шёл к щели, тянулся рукой к тому свету, к знакомым огням. Его пальцы коснулись края двери, и тогда раздался звук – глухой, мокрый, как будто кто-то выдёргивал ногу из болота. Щель захлопнулась. Не закрылась – *съела* кончики пальцев Тихона.

Он взвизгнул, отшатнулся. На руке остались три шрама – глубоких, чёрных, как ожоги, но из них сочилась не кровь, а смола.

– Ты сказал – дверь открыта! – заорал Тихон, хватаясь за руку.

– И была открыта, – Корчемар пожал плечами, и в его спине закрипели ветки. – Но ты не спросил – куда она ведёт. Это дверь в Мир. Но Мир-то вас не помнит. Вы уже чужаки. Вы уже вкусили Залесья. Вы – вырванные страницы. И книга не пускает обратно вырванные страницы – она их сжигает.

Мира заплакала. Не всхлипывала, как обычно, когда не получалось видео, а рыдала – тяжело, урчаще, слюна и слёмы смешались на её подбородке.

– Что нам делать? – спросила она, обращаясь не к Корчемару, а к Зое. – Ты знала. Ты всё нарисовала. Скажи, что делать!

Зоя подняла глаза. Она посмотрела не на Миру, а на потолок – на то, куда уходила труба печи. И тогда Данила последовал её взгляду.

Он увидел это впервые. Не сразу понял, что видит.

Над печью, в клубах дыма, висели маркеры. Три светящихся символа – зелёный, жёлтый и красный. Как в игре. Как в интерфейсе RPG. Зелёный был над Зоей. Жёлтый – над Мирой. Красный – над ним самим.

А над Корчемаром висел чёрный череп.

– Ты видишь, – сказал Корчемар. Не вопрос. Утверждение. Он смотрел прямо на Данилу, хотя Данила не шевелил губами. – Ты Читальщик. Ты видишь метки судьбы. Это хорошо.

Это значит, ты можешь выбирать. Зелёный – безопасный путь. Жёлтый – риск, но награда. Красный... Красный – смерть кого-то другого, чтобы ты жил.

Данила замер. Символы пульсировали. Он попытался моргнуть – они не исчезли. Это не галлюцинация. Это было как... как дополненная реальность, только вместо цифрового мира – магический.

– Это не игра, – прошептал он.

– Это всегда была игра, – Корчемар схватил его за плечо, и пальцы впились в плоть, оставляя следы, которые тут же зарастали мхом. – Только теперь ты видишь интерфейс. И я вижу твой. У тебя над головой висит квест. «Выжить до рассвета». Но рассвета здесь не бывает. Здесь только «до той поры», пока Сказка не выберет тебя.

Внезапно раздался стук. Громкий, ударивший по стволу дерева снаружи. Бум. Бум. Бум. Как будто огромный молот били по корням.

Корчемар выпрямился. Его лицо – если это можно было назвать лицом – приняло выражение, которое Данила не мог прочесть. То ли страх, то ли экстаз.

– Он идёт, – прошептал хозяин избы. – Князь Безликий. Он чует новых гостей. Он хочет посмотреть, сырое ли сырьё.

Стук повторился, и сучья на стенах зашевелились. Птицы открыли клювы и закричали – не птичьим криком, а голосами людей, зовущих на помощь.

– Прятаться бесполезно, – Корчемар двинулся к противоположной стене, где корни образовали что-то вроде дверного проёма. – Но я могу отправить вас дальше. Вглубь. К Бабам-Ягам. К Медведю. К Водяной. Кто первым пойдёт?

Они замерли. Тихон сжимал руку, из которой капала смола. Мира всё ещё рыдала. Ася смотрела на чашку с киселем, её губы шевелились – она считала, анализировала, искала логику там, где её не было.

А Зоя встала. Она подошла к печи, положила руку на тёплый кирпич.

– Я, – сказала она. – Я нарисовала это. Я должна первой.

Она посмотрела на Данилу, и в её глазах он увидел не страх, а странное, почти безумное облегчение.

– Ты тоже видишь их, – сказала она негромко, так, что услышал только он. – Маркеры. Ты видишь, кто умрёт. Запомни: если над тобой загорится чёрный череп – не верь. Это не смерть. Это *превращение*.

Корчемар толкнул корни, и они разошлись, образуя тёмный проход, ведущий вниз, в корни дерева.

– Идите, – сказал он. – И помните: в Залесье нельзя идти прямо. Прямой путь – для мёртвых. Петляйте. Блудите. Только так можно прийти туда.

Тихон шагнул первым, рыча от боли. За ним – Ася, тащившая за собой Миру.

Данила стоял последним. Он посмотрел на Корчемара.

– Ты кто? – спросил он. – Настоящий дед лесной? Или тоже персонаж?

Корчемар улыбнулся. Улыбка дошла до его белых глаз, разрезав лицо от уха до уха – буквально, образовав шрам, из которого полезли корни.

– Я – тот, кто выбрал красный маркер, – ответил он. – Иди. И не оглядывайся. Если оглянёшься – увидишь, что я делаю с теми, кто остаётся.

Данила побежал. Вниз, в темноту, туда, где пахло землёй и плесенью. А за спиной раздался хруст двери, распахивающейся, и голос – нечеловеческий, гулкий, как будто говорил сам лес:

– Добро пожаловать в Залесье, Чужаки. Игра началась.

Глава третья: «Корневище»

Спуск не имел дна. Или, точнее, дно было, но оно дышало.

Данила бежал, чувствуя под ногами не лестницу и даже не склон, а живую ткань – корни, толстые как бёдра, переплетённые в спираль, образующие трубу, сужающуюся и расширяющуюся, как пищевод гиганта. Воздух здесь был влажным, горячим, пахнущим гнилью и чем-то сладким – зрелыми яблоками, упавшими в тёплый навоз. За спиной уже не было света от печи, только биолюминесценция – грибки, облепившие корни, светились бледно-зелёным, давая видеть## рук перед лицом, но не выражение глаз.

– Остановитесь! – крикнул Тихон где-то впереди, голос оборвался, как будто его ударили.

– Стена!

Данила врезался в спину Зои. Они скопились в расширении – комнате из корней, где стены пульсировали, пропуская через себя сок. В центре стояла вода. Не лужа – округлый бассейн, выдолбленный в древесине, наполненный жидкостью цвета старого мёда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.